

О границах юридически релевантного в пенитенциарной психологии

Алмазов Б.Н.

Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург)

Термин «пенитенциарное» пришел на смену «исправительно-трудовому» на редкость бесконфликтно. В те годы (начало перестройки) государственные структуры с явным облегчением отказывались от сложившихся традиций, которые вынуждали их считаться с общественными интересам. И система исполнения наказания в этом отношении ничем не отличалась от смежников и партнеров. Достаточно вспомнить с каким воодушевлением был провозглашен лозунг «школа воспитывать не обязана». Возможно администрация посчитала, что за время советской гегемонии общественного воспитания семья соскучилась по настоящему делу и родительскому долгу. Результат известен. За решение проблемы социальной адаптации детей, к которым школа потеряла интерес, пришлось браться учреждениям министерства социальной защиты населения, сотрудники которых (приютов, центров социальной реабилитации) были вынуждены на ходу учиться работе с детьми. С большим трудом общество силами ассоциаций педагогической реабилитации детей и подростков заставило систему образования из остатков вечерних школ, учебно-производственных комбинатов и интернатов скомпоновать «образовательные учреждения для детей, нуждающихся в психолого-педагогической и медико-социальной помощи» (Постановление Правительства РФ № 867 от 31.07.1998 г.). Нечто подобное с некоторым отставанием по времени происходит в системе исполнения наказаний.

Начать, по-видимому, следует с того, что в правовом поле уголовного законодательства РСФСР не было категории «вменяемость». Она презюмировалась. Если человек не был признан невменяемым, все заботы о его социальной адаптации возлагались на исправительное учреждение, где самым главным средством перевоспитания было включение человека в здоровый трудовой коллектив. Это относилось и к лицам с ограниченными возможностями. В частности, В.Н. Мясищев советовал и в лечении невротозов опираться именно на него (здоровый трудовой коллектив).

Естественно, отмена трудовой повинности в пользу пенитенциарной доктрины изменила ситуацию. Нерентабельность, низкая квалификация осужденных, отсутствие мотивации к достижениям, пренебрежение к труду как смыслу существования, идущее от уголовной субкультуры, сделали саму вероятность добровольного вовлечения в трудовой коллектив осужденных весьма проблематичной. Причем не только для заключенных, но и для осужденных условно, число которых будет нарастать, а среди них увеличиваться процент людей с психическими недостатками (следуя рекомендациям ООН суды ориентируются на

меры социальной поддержки из жалости и сострадания, а не только на карательные способы социального контроля).

Пока что ГУФСИН озабочено сложившейся ситуацией не очень сильно. В частности, несмотря на прямое указание ст. 173 Уголовно-исполнительного кодекса, который уже пятнадцать лет требует освобождать заключенного с паспортом на руках, многие выходят на свободу с прежней «справкой об освобождении». Да и суды, вынося решение «об обязательном привлечении к труду», не озабочены его исполнением в условиях, когда средства производства находятся в руках предпринимателя. Инспекциям, ведающим контролем за исполнением наказания по месту жительства, приходится брать на себя ответственность за приобщение к нормальным жизненным ценностям людей с ограниченными возможностями, имеющими все основания считать себя неприветствуемыми членами общества. Для этого нужны силы, средства, профессиональная компетенция и многое другое, чем они (инспекции) не располагают и располагать не могут. Тем самым в пространстве, где соприкасаются интересы правоприменительных структур и общества, накапливается все возрастающее количество социально неприспособленных людей со своеобразной психологией. Заниматься их реабилитацией вроде бы обязаны органы социальной защиты населения, но для них это новая работа (как в свое время – детские приюты). Им тоже нужны кадры, которых пока нет. Более того, пока не создана даже учебная база для их подготовки. И если в работе с детьми можно было полагаться на здравый смысл и житейский опыт взрослого человека, партизанщина в работе с криминальной средой просто опасна. Специалист соответствующего профиля должен быть подготовлен по вопросам психологии: социального отчуждения; индивидуальных особенностей людей с неудачным складом психики; ограничений свободы волеизъявления. На сегодняшний день каждым из этих направлений занимается отдельная отрасль знания. Концепция психической средовой дезадаптации, пригодная для их объединения на теоретическом уровне, не выходит за рамки дискуссии профессионального сообщества, так что пресловутый «реальный гуманизм» остается на уровне «здравого смысла» (по словам Л.Троцкого – низшей формы интеллекта).

Таким образом, хотела бы она этого или нет, пенитенциарная психология должна будет осваивать основы теории социального отчуждения и психической средовой дезадаптации. К необходимости сделать этот шаг в нашей профессиональной ментальности я и хотел привлечь внимание участников конференции.